

В числе прочих новелл закон, по всей видимости, обяжет самозанятых граждан платить во внебюджетные фонды (пенсионный, медицинского и социального страхования), даже если у них нет официального дохода: раз социальная система России должна их обеспечивать, они должны компенсировать эту нагрузку. Предложение председателя Пенсионного фонда Антона Дроздова состояло в том, чтобы размер взноса для самозанятых был сначала равен одному минимальному размеру оплаты труда и постепенно, за пять лет, был повышен до двух.

Неформалы — хорошо или плохо?

Многим кажется очевидным суждение, что формальная занятость — это хорошо, а все виды неформальности — плохо. И на первый взгляд такая категоричность имеет основание. Формальная занятость — это хорошо и для самого работника, и для общества. Легальное трудоустройство защищает права работника (пенсии, больничные листы, выходные пособия и пр.), а общество получает налоги и правдивую статистику. Неформалы же страдают сами и наносят урон обществу, уподобляясь безбилетникам, которые пользуются общественными благами «на халяву».

Но все ли так просто? Вопросов много. Например, так ли уж защищены наши работники формальным контрактом? И действительно ли неформалы только берут, ничего не давая обществу взамен?

История вопроса

Сомнения тем более обоснованны, чем больше знаешь об этом. На протяжении веков труд был неформальным, если его описывать по современным меркам. Рынок «построили» неформалы. Только на рубеже XIX–XX веков с установлением социальных гарантий и пенсионного обеспечения возникло деление труда на формальное и неформальное. Рынок вступил в период бюрократизации и формализации, что означало главенство закона. Тогда-то и возникло презрительно-соболезнующее отношение к неформальной практике, таящей в себе угрозу новому порядку. Неформальность стала рассматриваться как рудимент, как символ неразвитости. Отсюда желание поправить ситуацию, принудительно облагодетельствовать неформалов, загнав всех в рамки формальной занятости.

Идеологом борьбы против неформального трудоустройства стала Международная организация труда (МОТ), возложившая на неформалов вину за низкие темпы роста ВВП, за невосприимчивость экономики к инновациям, за отсталость и бедность развивающихся стран.

Альтернативную позицию «дружелюбного» отношения к неформалам выразил британский антрополог К. Харт, который в 1973 году ввел в научный оборот термин «неформальный сектор». На примере Аккры, столицы Ганы,

В неформальном секторе занято около одной пятой трудоспособного населения России

он показал, что неформальный сектор является альтернативой не формальному найму, а безработице, что деятельность вне формальных норм означает не царство хаоса и анархии, а лишь переход к другому режиму регулирования, где социальные нормы и сетевые обязательства регламентируют поведение. Вместо искоренения неформалов была предложена иная, более реальная программа — *оптимизировать* пропорции формальной и неформальной занятости.

Если К. Харт говорил про неформальность как способ выживания бедняков в бедных африканских странах, то принципиально иной взгляд на природу неформальности предложил перуанский экономист Эрнандо де Сото. На примере Перу он показал, что даже бурно растущая экономика может провоцировать рост неформальности. Причина состоит в качестве институтов, задающих непомерно высокие издержки подчинения закону. Неформалы предпочитают игнорировать закон не потому, что они патологические вредители, а исключительно в силу рациональности: если вход в легальное пространство (регистрация фирмы, получение патента и пр.) и цена пребывания на нем (налоги, таможенные сборы и пр.) велики, а качество государственных услуг низкое, то неформалы бегут «в тень», создавая свои правила взаимодействия. Перуанский экономист предложил трактовать неформальность как индикатор несовершенства формальных норм.

Бедность, неразвитость экономики или плохие законы, неэффективный государственный аппарат — вот две основные традиции объяснения неформальности.

Неформальный сектор и неформальная занятость

«Занятость в неформальном секторе» и «неформальная занятость» — слова похожие, а смысл разный. В одном случае учитывают характеристики предприятия, в другом — рабочего места.

История тут такова. В 1993 году XV Международная конференция статистиков труда постановила, что *занятость в неформальном секторе* следует измерять по характеру предприятия. Логично, что этот подход назвали «производственным». То есть неформальный сектор — это про предприятия. Основанием для отнесения предприятия к неформальному сектору стали его размер и (или) наличие регистрации. Но поскольку данные о регистрации не всегда доступны и достоверны, то определение неформального сектора свелось к численности работников на предприятии. Был рекомендован «порог» между формальным и неформальным секторами при числе занятых до пяти человек. Соответственно, все самозанятые-индивидуалы входят в неформальный сектор по определению. А вот работающие в домашнем хозяйстве для собственного потребления не относятся к занятым в неформальном секторе.

Но не все страны подписались под такими рекомендациями. Статистические службы разных стран подошли к вопросу творчески, варьируя пороговые значения неформального сектора. Кроме того, в некоторых странах исключают специалистов-индивидуалов из неформального сектора на том основании, что большинство из них имеют лицензии, а где-то, наоборот, включают занятых в домашнем хозяйстве для собственного потребления. Словом, в разных странах неформальный сектор исчисляется по-разному, что надо иметь в виду любителям межстрановых сравнений. Зачастую сопоставления некорректны ввиду различия в алгоритмах, используемых национальными службами статистики.

Но ведь и в формальном секторе могут трудиться неформально нанятые работники, чья деятельность ускользает от контроля государства. Эту оплошность попытался исправить в 2003 году, когда очередная конференция статистиков труда предложила пользоваться понятием «неформальная занятость», куда относятся все рабочие места, не защищенные нормами трудового права. Этот подход, ставящий во главу угла *соответствие закону*, получил название «*легалистский*».

Однако и тут возникают проблемы. Дело в том, что рабочее место может соответствовать одним разделам законодательства и противоречить другим. Скажем, работник оформлен официально, но часть заработной платы получает «в конверте». Отсюда простой вывод: нет и не может быть универсального способа для измерения неформальной занятости. Даже внутри одной страны оценки расходятся в зависимости от выбранных баз данных и критериев неформальности. Что уж говорить о разных странах! Это возвращает нас к призыву быть осторожными в межстрановых сравнениях.

Много ли неформалов в России?

Главной статистической конторой страны является Росстат. На основе «Обследований населения по вопросам занятости» (ОНПЗ) с 2001 года публикуются оценки занятости в неформальном секторе. Ключевым критерием для отнесения к этой категории является вопрос о типе предприятия, на котором трудится респондент. Работа на предприятиях, в организациях со статусом юридического лица квалифицируется как работа в формальном

— Неформальный сектор является альтернативой не формальному найму, а безработице

